

СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ И СОВРЕМЕННАЯ АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Гридина Т. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Аннотация. Статья вписывается в актуальное проблемное поле анализа словарных данных в методологическом ключе, что позволяет судить не только о составе и значении единиц соответствующего языка, но и об устройстве ментального лексикона и механизмах речемыслительной деятельности говорящих. Обосновывается корреляция толкового словаря В. И. Даля, в построении которого реализован гнездовой способ организации лексического материала, с принципами создания современных ассоциативных словарей, где слово предстает в свете его реальной психологической значимости для обыденного языкового сознания конкретных носителей языка. Новизну данного исследования составляет выдвигаемый постулат относительно того, что словарная статья, эксплицирующая мотивационные (формальные и/или смысловые) связи между родственными лексическими единицами в ходе их толкования, может быть рассмотрена как некий фрагмент ассоциативно-вербальной сети, отражающий динамику перехода от «гнезда слов к гнезду смыслов» в процессах порождения и восприятия слов в живой речи. В результате анализа выявлено, что к регулярно воспроизводимым (и соответственно актуальным для говорящих) словообразовательным прецедентам относятся: собирательные и абстрактные существительные (от глагола или прилагательного); гендерно маркированные словообразовательные пары; разновидности глаголы, выражающие характер протекания действия (однократного, многократного, длительного); коррелятивные оппозиции возвратных и невозвратных глаголов; качественные прилагательные и наречия; отдельные наиболее актуальные, частотные и функционально специализированные словоформы разных частей речи и др. Операциональная сущность подобного словарного представления вполне соответствует моделям кустовой и цепочечной связи слов в их предречевой готовности, верифицируя потенциальные маршруты активации таких связей в ассоциативно-вербальной сети. Экспликация этих потенциальных «маршрутов» на основе направленных ассоциативных экспериментов – одна из перспектив современной ассоциативной лексикографии. Практический выход сопоставительного анализа словаря В. И. Даля как одного из уникальных источников изучения национальной ментальности и современных ассоциативных словарей связан с перспективой разработки функциональной модели обучения русскому языку (в том числе русскому как иностранному).

Ключевые слова: ассоциативная лексикография; ассоциативно-вербальная сеть; модели организации толковых словарей

Для цитирования: Гридина, Т. А. Словарь В. И. Даля и современная ассоциативная лексикография / Т. А. Гридина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 117–126. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10.

V. I. DAHL'S DICTIONARY AND MODERN ASSOCIATIVE LEXICOGRAPHY

Tatiana A. Gridina

Ural Pedagogical State University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Abstract. The article fits into the urgent problem field of dictionary data analysis in terms of their methodological significance, which allows the author to speak not only about the composition and meaning of the units of the corresponding language, but also about the structure of the mental lexicon and the mechanisms of speech-thinking activity of the learners. The author substantiates the correlation of Dahl's explanatory dictionary, based on the principle of word family method of organization of material, with the principles of compiling modern associative dictionaries, where the word appears in the light of its psychological significance for the everyday consciousness of concrete native speakers. The novelty of this study lies in the postulate that a dictionary entry explicating motivational (formal and/or semantic) connections between related lexical units in the process of their interpretation can be considered as a fragment of an associative-verbal network reflecting the dynamics of transition from the "word family" to the "family of meanings" in the processes of generation and perception of words in living speech. As a result of the analysis, it was revealed that the word-formation precedents that are regularly reproduced (and, accordingly, are urgent for speakers) include: collective and abstract nouns (formed

from a verb or adjective); gender marked word-formation pairs; verbs of different aspective semantics denoting various kinds of action (one-time action, repeated action, continuous action); correlative oppositions of reflexive and non-reflexive verbs; qualitative adjectives and adverbs; separate functionally specialized, frequent and urgent word forms of different parts of speech, etc. The operational essence of such a dictionary representation fully corresponds to the models of "cluster" and chain connection of words in their pre-speech readiness, indicating potential ways of activating such connections in the associative-verbal network. Explication of such potential "routes" based on specially oriented associative experiments is one of the prospects of modern associative lexicography. The practical outcome of the comparative analysis of Dahl's explanatory dictionary as a unique source for studying national mentality and modern associative dictionaries is connected with the prospect of developing of the functional model of teaching Russian (including Russian as a foreign language).

Key words: associative lexicography; associative-verbal network; models of compiling explanatory dictionaries

For citation: Gridina, T. A. (2021). V. I. Dahl's Dictionary and Modern Associative Lexicography. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 117–126. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10.

Предварительные замечания

Лексикографическая практика (практика составления словарей, прежде всего, толковых) имеет давние корни и множество направлений, в рамках которых выработаны основные принципы описания лексических единиц, отражающих специфику данного языка. В настоящее время лексикография, оставаясь одним из главных способов обобщения и систематизации языкового материала, переходит на принципиально новый, концептуальный уровень его интерпретации, тем самым «...обретая методологическое содержание. Лексикография <...> все чаще трактуется как особое видение языка, обусловленное специфическими задачами, которые хотя и имеют прикладной характер, но видение, которое они задают, позволяет исследователям выявить в объекте (лексике) новые и весьма важные стороны. Подобным образом прикладные идеи приобретают методологический смысл и в других сферах лингвистики, скажем, видение русского языка как предмета обучения русскому языку как иностранному или как объекта машинного перевода ставит задачу практико-направленного упрощения модели русского языка, но результаты такого рода упрощения проецируются в саму языковую действительность как онтологическое его свойство...» [Голев 2015: 38].

К сказанному можно добавить, что акцент в представлении словарных материалов смещается в современной полипарадигмальной лингвистике в сторону выявления самих механизмов, лежащих в основе речевой деятельности.

В этом отношении показательны ассоциативные словари, предоставляющие материал для изучения скрытых от наблюдения речемыслительных процессов, лежащих в основе присвоения и использования конкретного языка его носителями.

Принципы ассоциативной лексикографии

Ассоциативная лексикография, возникшая в недрах психологии и психолингвистики, развивается в широком вариативном диапазоне исследования речевой деятельности и языкового сознания, что обеспечивает перспективу анализа самых разных языковых и речевых феноменов в свете их психологической реальности (см. [Гридина, Коновалова 2021]):

1) ассоциативные словари основываются на показаниях обыденного языкового сознания, которое отражает, прежде всего, наивную картину мира носителя языка;

2) ассоциативные словари фиксируют как социально отфильтрованные, так и индивидуально проекции словесных знаков в сознании говорящих, включая зоны собственно значения, личностного смысла и «чувственной ткани» (перцептивных векторов аудиальной, визуальной, кинестетической модальностей восприятия номинируемых объектов);

3) в концепции создания ассоциативных словарей основным является тот постулат, что совокупность реакций, вызываемых вербальным знаком, отражает психологическую реальность значений этих знаков (слов, фразем, грамматических форм и т. п.) в сознании конкретных носителей языка; при этом зоны ядра

и периферии определяются статистическими показателями частотности предъявляемых реакций, что позволяет говорить как о репрезентативности экспериментальных данных, так и о природе соотношения стереотипизированных и индивидуальных ассоциатов (в том числе в плане проявления творческого потенциала языка, отражающего речевые практики социума и его конкретных представителей);

4) характер связей в ассоциативном поле слова является основой для моделирования особенностей организации ментального лексикона. Одной из версий представления ментального лексикона является модель ассоциативно-вербальной сети как динамического образования, работа которого характеризуется активацией «кустовых» и цепочечных связей слов и словоформ в их предречевой готовности, маркируя особенности ассоциативной грамматики. Ср.: «... ассоциативная грамматика – это не грамматика языка в обычном смысле слова, а грамматика речевой деятельности. Можно говорить и о том, что ассоциативная грамматика – это грамматика намерений, тенденций и готовностей говорящего; в ней нет правил в общем смысле слова, но есть прецеденты и предпочтения» [Караулов 1993: 248–252]; соответственно ментальный лексикон – это лексикализованная ментальная грамматика, задающая возможности порождения разных типов высказываний;

5) ассоциативное поле слова-стимула организуется по принципу ядра и периферии, отражая разные типы реакций, в числе которых выделяются парадигматические и синтагматические, соответствующие системным отношениям слов в языке; тематические реакции, связанные с личностным, контекстуально ориентированным регистром функционирования и соответственно восприятия слова (включая культурный фон).

В отечественной лексикографии самыми известными, репрезентирующими классическую модель создания ассоциативных словарей, являются «Русский ассоциативный словарь» (РАС) под ред. Ю. Н. Караулова [2002] и «Ассоциативный словарь» А. А. Леонтьева [1977], пионера в этой области. Указанные словари основаны на данных свободных ассоциативных экспериментов (САЭ), фиксирующих набор реакций на словесные стимулы с учетом их ядерности

или периферийности для носителей русского языка. Совокупность таких реакций образует ассоциативное поле, в котором представлены как стереотипизированные, так и индивидуальные аспекты восприятия вербальных знаков. Для более глубокой дифференциации ассоциативного контекста слова как отражения его субъективной семантики в сознании носителей языка создаются словари с ограничениями, вводимыми в состав стимулов и реакций (например, тематическими), а также возрастными, гендерными и профессиональными ограничениями в выборке респондентов. См., например, «Словарь внешнего человека» [Коротун 2010]; ассоциативные словари, отражающие динамику языкового сознания детей разного возраста: дошкольников, младших школьников и подростков [Лемяскина 2000; Сдобнова 2015; Овчинникова 2000 и др.]; опыт экспериментального словаря, выявляющего ассоциативный потенциал окказиональных детских слов [Гридина 2018]; проект словаря пожилого человека [Бутакова 2021]. Особым направлением ассоциативной лексикографии являются учебные словари (см., например, «Учебный ассоциативный словарь русского языка» [Тарасов, Дронов, Ощепкова 2017], адресованный иностранцам, изучающим русский язык вне языковой среды и призванный эксплицировать ассоциативный диапазон восприятия слова, характерный для носителей определенной национальной лингвокультуры. Словарные статьи распределены в нем по тематическим сферам, к слову-стимулу (помимо толкования его значения) приводятся ряд наиболее частотных ассоциатов, зафиксированных в РАС, и типовые контексты употребления соответствующего слова). На экспериментальном материале (с применением метода САЭ) построен также «Толковый словарь русского языка глазами детей» [Палкин 2004], в котором представлен ассоциативный контекст и выделены типовые стратегии семантизации общеупотребительных слов русского языка школьниками (11–12 лет) в соотношении с объяснениями значений тех же слов в нормативных толковых словарях.

Теоретический выход из словарных данных напрямую зависит от воплощенной в их описании концепции.

Изучение корреляций между значениями слов, отраженными в толковых словарях, и ас-

социативным контекстом вербальных знаков в сознании конкретных носителей языка составляет актуальное поле разработки функциональных лексикографических моделей, которые соединяли бы фиксацию фактов языка с прогнозом их восприятия и появления в речи. Ассоциативные словари дают представление о разных видах связей между единицами ментального лексикона, актуализируемых в речевой деятельности конкретных индивидуумов. При этом концепция ассоциативных словарей, казалось бы, совершенно отличающаяся от существующих в лексикографической практике способов семантизации слов, не только не опровергает, но и в известной степени оказывается «отзеркаливанием» организации фрагментов языкового континуума, которые представлены в уже освещенных традицией толковых словарях.

Такие корреляции обнаруживаются, в частности, между современными ассоциативными словарями и словарем В. И. Даля. Эти корреляции тем показательнее, что сам Даль, описывая назначение своего словаря, формулирует идею запечатления реальной картины функционирования языка в живой народной речи, что, по сути, составляет один из ключевых постулатов ассоциативной лексикографии.

Приведем для иллюстрации сказанного пример описания слова БАЛАМУТ в лексикографической версии создания «Словаря народных этимологий и мотивационных ассоциаций» [Голев 2015] в сравнении с представлением этой лексемы в толковом словаре В. И. Даля. В указанном проекте ассоциативного словаря каждое из слов-стимулов рассматривается в свете того типа реакций, которые определяют характер восприятия мотивированных и немотивированных наименований в обыденном сознании носителей языка – с учетом разных типов сближений – «формальных (ФА), формально-смысловых (ФСА) или только семантических (СА)»:

БАЛАМУТ, -а, м. ФСА (58) ФА (10) СА (9):

ФСА – мутить 24, бологур (написание как в источнике цитирования. – Т. Г.), балалайка, мутный, болтать, болтает, муть, балагурить, балда, баламутить, баловаться, ломать;

ФА – бал 7, мут 5, омут 3; баланда 2, болото 2, мук, хомут;

СА – весёлый 4, бездельник, бить баклуши, врун, дурить, пустослов [Голев 2015: 41].

Устанавливаемые мотивационные связи, как это свойственно живой речи, нередко носят ложноэтимологический характер¹. Важно подчеркнуть, что установление «родства» слов (в частности, и по случайному созвучию) базируется на той мотивационной пресуппозиции, что фонетическое сходство является признаком однокоренных слов, определение значения которых подчиняется «закону выводимости» смысловой связи этих слов.

Результаты ассоциативных экспериментов со всей очевидностью подтверждают психологическую реальность мотивационных отношений (в том числе ложноэтимологических) для языкового сознания носителей языка, выявляя информационную «силу» внутренней формы слов в поиске или объяснении, уточнении их смысла, актуального для речевой деятельности как языкового коллектива в целом, так и для конкретной личности.

Иначе говоря, связи однокоренных слов имеют непосредственную значимость для их толкования, что нашло отражение в лексикографической концепции В. И. Даля, использовавшего гнездовой способ представления значений однокоренных слов (включая и ложноэтимологические версии их отнесения к одному гнезду).

У Даля данное существительное находим в словарной статье глагола **БАЛАМУТИТЬ**, *баламучивать* что, кого; *мутить*, *болтать*; полошить, волновать, беспокоить, тревожить попусту; поселять раздор, сплетнями, наговорами, неуместными советами; *смущать*, подбивать на что; *возмущать, -ся*, поддаваться этому влиянию, поддаваться ему. *На что ты квас баламутишь. Нехорошо шутишь, людей баламутишь. Баламучивать, постоянно заниматься баламутами. Он всех взбаламутил. Добаламутишься до греха. Опять забаламутил. Избаламутилась баба совсем. Набаламутил, что не разделяется. Побаламуть у меня еще, я тебя! Пробаламутничала век, всегда баламутила. Разбаламутилась, не уймешь. Баламученье, баламутничанье ср.*

¹См. выделение формального, формально-смыслового и собственно семантического ассоциирования как основания для разграничения разных типов народной этимологии в [Гридина 1998].

действие по значению глагола. <...> **Баламут, -мутник, -мутчик** м. - **мутка, -мутница** ж. кто баламутит; переносчик, сплетник; умышленно поселяющий раздор, ссоры (+ другие значения слова, непосредственно связанные с физическим действием по глаголу мутить «взбивать, молоть, перемешивать и т. п. – Т. Г.) [Даль 1989, т. 1: 41].

Как видно из этого фрагмента словарной статьи, Даль толкует существительное *баламут* как производное от глагола, значение которого раскрывается через мотивационный перифраз, отсылающий к этимологии слова (формально-сематический тип ассоциирования); в более развернутом виде содержание слова представлено синонимическими (смысловыми) коррелятами и контекстами живой народной речи, включающими не только сам глагол *баламутить*, но и его префиксальные производные и актуальную для данной группы однокоренных глаголов грамматическую форму императива (выделено жирным. – Т. Г.). Существительное *баламут* воспринимается в ассоциативном контексте характеристик глагола *баламутить* и его производных, демонстрируя интерпретационную валентность связей слов в словообразовательном гнезде.

Ср. ассоциаты на данный стимул в [РАС 2002, т. 1: 42]: баламут – ... **мутная** вода 2, **баламутить** воду, **балбес**, **балдеж**, **болтун**, **балагур**, в **балагане**, **оболтус**, **омут**, и **балагур**, оболтус 1.

Регулярность фиксации подобных ассоциаций почти в каждой статье РАС обнаруживает их релевантность и актуальность для носителей языка в плане объяснительной направленности. И, хотя частотность появления и характер связи родственных слов (или слов, которые представляются говорящему таковыми) у разных стимульных единиц различен, появление того или иного однокоренного ассоциата у лексем определенной грамматической категории, тематической группы, словообразовательной структуры, семантической ориентации – в известной степени предсказуемо. Ср., например, появление диминутивных образований в качестве ассоциатов у личных имен собственных, представленных в виде стимулов; вероятность наличия в ассоциативном поле глагола существительных, называющих деятеля; кодирования от терминов родства и т. п. Среди однокоренных ассоциатов к слову-стимулу можно

встретить и словообразовательные инновации (синонимы), и случаи народной этимологии, связанные с рефлексией над мотивированностью стимульного слова или транслирующие уже существующие прецеденты (сближения неродственных слов на основе чисто формальных созвучий или формально-смысловых ассоциаций, в том числе случаи преднамеренной языковой игры).

Вот лишь некоторые примеры из первого тома РАС: **ад** – *администрация* (ложноэтимологическое сближение, вполне вероятно, преднамеренное – языковая игра); ср. ассоциативные сближения однокоренных слов: **азбука** – *азы, буквы, буква, букв, букварь*; **агрегат** – *агрегатное состояние вещества* (производное от стимульного слова прилагательное в устойчивом словосочетании) и *акселерат, конгломерат* (паронимическая аттракция); **Айболит** – *болит, душа болит, заболеть* (однокоренные ассоциаты, включающие шутовое устойчивое выражение, рифмующееся со стимульным словом: игровой ассоциат); **аккорд** – *аккордеон* (формально-смысловое сближение однокоренных слов); **аксакал** – *саксаул, поскакал, проскакал, усакал* (созвучные слову-стимулу и рифмующиеся с ним ложноэтимологические ассоциаты); см. также: **бабаб** – *бабский, баодед, любит баб* (языковая игра на основе ложной этимологизации стимульного слова, образование псевдоантонима); **активный** – *активист* и **активист** – *активный* (взаимообратимые смысловые связи однокоренных слов в словообразовательной паре); **атом** – *о том, о сем* (омофоническое переразложение слова – игровой прецедент); см. также примеры ассоциативных реакций, которые представляют собой толкование слова-стимула через однокоренные синонимы: **байки** – *прибаутки* (2), *баять, иначе рассказывать байки, побасенки*. **Бездушный** – *нет души* (мотивационный перифраз). В статьях ассоциативного словаря встречаются диминутивы от слова-стимула: **бабушка** – *бабулечка, бабуля*. Ср. ономастические дериваты такого рода: **Ваня** – *Ванечка, ванька-встанька, не ходил бы ты, Ванек, во солдаты*. Нередко в качестве ассоциатов выступают однокоренные слова, их словоформы или само стимульное слово в составе устойчивых оборотов: **баран** – *баранина, баранов, бараном, есть баран, и есть баран, уставился, как баран*.

В особую группу можно выделить ассоциаты, составляющие со словом-стимулом синонимическую или антонимическую оппозицию: **безвредный** – *вредный (26), безобидный (7), безопасный (2), вредина, вредитель*. Интерес представляют и словообразовательные синонимы или антонимы к слову-стимулу, нередко окказиональные, часто экспрессивно-оценочные: **бесконечность** – *бесконечка, безмозглый* – *мозглый, мозговитый*. *Болтун – Шалтай-Болтай* (ср. одноструктурные синонимы – *говорун, врун и хохотун*, а также *пустобрех с балалайкой, многослов, лапшист*).

Направленные ассоциативные эксперименты, безусловно, могли бы дать более полную картину относительно роли деривационных связей в организации ментального лексикона. Вместе с тем вполне очевидно, что сближения однокоренных слов, спонтанно возникающие в сознании говорящих в процессе реагирования на слово-стимул в ходе САЭ, не являются случайными, обнаруживая онтологическую значимость мотивационной рефлексии как механизма речемыслительной деятельности – с учетом ее национальной специфичности (см. [Гридина, Коновалова 2017: 119–131]).

Составляя свой «Словарь живого великорусского языка», В. И. Даль, по сути, создает уникальную лингвокультурологическую версию лексикографического описания материала и, кроме того, используя гнездовой принцип его организации, предвосхищает перспективу рассмотрения деривационных связей в речедетельностном ключе, с учетом специализации грамматических и семантических функций однокоренных слов в живой народной речи.

Вот что он пишет о назначении и структуре своего лексикографического проекта в предисловии «О русском словаре. Читано в Обществе Любителей Российской Словесности, в частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 года» [Даль 1989, т. 1: XXXIX–XLVIII]:

1. «Словарю дано название: Словарь живого великорусского языка: в него должна бы войти вся живая речь нынешнего великорусского поколения...», включая иностранные слова, «которые и поныне живут в народе, хотя их мало знают». ... «Главное внимание обращалось на язык простонародный», в котором отражается «дух языка» <...> «Но составитель словаря

не укащик (=указчик) языку, а служитель, раб его» [Указ. соч.: XXXIX–XL].

2. «...Я в словаре своем, не занимаясь корнями слов, старался, однако же, **указывать везде на взаимную связь** (выделено нами. – Т. Г.), а где это, по искажению или по другим причинам казалось сомнительным, там я ставил вопросительный знак» [Там же: XLIII].

3. «Какой вид или образ придать словарю, как его расположить? ... Я избрал путь средний (т. е. не по алфавиту и не по корню – Т. Г.): **все одногнездки поставлены в кучу, и одно слово легко объясняется другим**. Одногнездками называю я глагол с производными: существительными, прилагательными, наречиями и другими частями речи. **Но предложные (= приставочные производные. – Т. Г.) слова того же гнезда отнесены на свое место, и там нередко образуют опять свои гнезда и кучки**. *Ходить, хаживать, хождение, ход, ходьба, хода, ходебщик, ходуг, ходовик, ходкий, ходовой* и пр. стоят как бы в одной статье, в которой размещены по удобству; но *захаживать, заход, захожий, находить, находка* и пр. поставлены особыми кучками, на свое место. Впрочем, при каждом простом глаголе приводятся примеры всех образуемых от него предложных (читай: приставочных. – Т. Г.) глаголов. Такой порядок приведен у меня не строго... однако же... **наглядность связи и образования слов много выигрывает**. <...> «Всякий глагол способен принять все изменения, отвечающие разуму, смыслу, значению его: **сумеете употребить его, и вы, удачным применением в новом смысле, мигом создали целый ряд новых для него переходов**» [Там же: XXXI].

4. «Примеры взяты **из обихода**, из простой русской речи, и туда вошли десятка три тысячи пословиц, поговорок и разных народных речений» [Там же: XLI].

5. [Толкования слов ориентированы **на быденное языковое сознание**. – вставка наша. – Т. Г.], «...часто представлены через перечисленные конкретные виды, соотносительных с общим обозначением: гриб – виды грибов; описывается способ изготовления какого-л. предмета, его составные части, приводятся диминутивы, свойственные разговорной речи. «Большая часть полных глаголов, особенно предложных, **дают непосредственно четыре существительных**: два среднего рода – одно

из них от неопределенного или длительного вида, другое от окончательного; два остальных – одно мужского, другое женского рода одинаково относятся к обоим видам. Называю сущ. эти: длительным, окончательным и общим; иногда бывает еще однократное. Например, от посеять, посеять: посеянье *длит.*, посеянье *оконч.*, посев и посевка *общ.*» [Там же: XLII–XLIII].

Таким образом, в словаре В. И. Даля представлены развернутые гнезда однокоренных слов (в том числе включающие и ложноэтимологические корреляты), которые наглядно демонстрируют механизмы развития значений и характер контекстуальной актуализации словообразовательных дериватов. В этом отношении словарная статья предстает как некий фрагмент ассоциативно-вербальной сети, отражающий динамику перехода от «гнезда слов к гнезду смыслов» в процессах порождения и восприятия речи.

В свете корреляций с современными ассоциативными словарями «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля можно рассматривать в следующих ракурсах:

– Семантизация слов отражает, прежде всего, аспекты обыденного языкового сознания, свойственного носителю русского языка и традиционной народной культуры.

– В каждой словарной статье отражена, с одной стороны, типовая семантика, с другой стороны, индивидуальная идиоматика ассоциативного поля однокоренных дериватов. Ср., например: **ВАРВАРЬ** м. человек необразованный, грубый, невежа и невежда; || свирепый, жестокий, немилосердный. **Варварка** ж. бран. то же. || **Варваровъ**, ему приндлж.; **варварский**, ему свойственный. **Варварство** ср. невежество, грубость, дикость, небрежение к просвещению; || жестокость, свирепость. **Варварствовать**, поступать варварски; коснеть в невежестве, грубости, жестокости. **Варварить** шуточ. праздновать, кутить, гулять, пить. <...> || **Варварить**, намекая на варварские морозы, около 4 дкб., сильно морозить. *На Варвару зима морозы заварварит (заварит). Трещит Варюха, береги нос да ухо <...>* [Даль 1989, т. 1: 164].

– Даль использует для объяснения слов целые ряды синонимов и антонимов, включая не только и не столько литературные, сколько

диалектные, просторечные, а также окказиональные слова-идентификаторы, нередко созданные им самим. Как известно, Даль в особенности для толкования иноязычных слов, предпочитает русские параллели.

Абориген – первые поселенцы края; первобытные, исконные, вековые, родовые, коренные жители; туземцы, старожилы, **первоселы**, **коренники**, **сидящие на корню**; пргвп. **нахождение**, поселенцы, **населенцы**, переселенцы, **посельники**, новоселы, **прибылые**, пришлые, **припущеники**, **наброд** [Даль 1989, т. 1: 2]. **Автограф** м., греч. – своеручное письмо, писание, подлинная рука, подлинник, **своеручник** [Даль 1989, т. 1: 4]. **Бакенбарда**, **бакена** ж. – более употр. в мн. ч., часть бороды, по щеке и до ушей; **щекобрады**, **бокоуши** [Даль 1989, т. 1: 39]. Шуточн. **огарыш** [Даль 1989, т. 1: 133] – один из вариантов толкования слова **брюнет**. Метафорика таких синонимических коррелятов чрезвычайно показательна в плане выявления характерных для сознания носителей русского языка эталонов образной номинации.

2. В качестве способа толкования нередко выступают мотивационные перифразы, отражая актуальную ассоциативную стратегию толкования слова через «прояснение» его внутренней формы, в том числе на основе народной этимологии, что соответствует ориентации составителя словаря на фиксацию фактов живой речи во всей их уникальности. Наивные этимологии (ложноэтимологическая мотивация) – неотъемлемый компонент рефлексии обыденного сознания над связью формы и содержания номинации. См., например:

Август м. название осьмого месяца в году, стар. серпень, зарев; влд. **густарь**, всего обильно, **густо** едят. ...с лат. august. Самое название месяца было дано в честь римского имп. Августа [Даль 1989, т. 1: 3]. Зафиксированный Далем случай ложной этимологии отражает традицию называния месяцев в народной культуре (в соответствии с циклом начала и завершения сельскохозяйственных работ). **Бега** ж. орл. куст или деревцо *Syringavulgaris*, сирень, **синель** (ложноэтимологическое сближение с **синий**) [Даль 1989, т. 1: 58]. **Винтовать** что, нарезать винтовую грань, бороздки и пр. || Ряз. Джигитовать, наездничать? вилять, юлить, егозить? Вероятно, *финтовать* и *финтить*, а не *винтовать* (в словарной статье **винт**), ср.

там же **винтопляс** м. – прыгун, плясун, вертун, **вертопляс** (формально-смысловый тип ложной этимологии, основанный на образных ассоциациях).

3. Особой зоной толкуемого слова в словаре Даля является культурный фон. В частности, это касается пословиц, поговорок, загадок, ассоциативного контекста, закрепленного в народной речи за личным именем собственным, получающим характерологический нарицательный смысл. См., например:

Аноха, м. простак, простыня, простофиля, недоумка; вероятно Енох, Энох. *Ой ты, Аноха-праведник. Аноха Аноху да впряг в соху* [Даль 1989, т. 1: 17]. **Вихорь-вихоревич** – сказочный богатырь; присловное название тому, кто *все делает вихрем*, внезапным порывом – в словарной статье **вихорь** [Даль 1989, т. 1: 209]. **Иван**, самое обыденное у нас имя (*Иванов, что грибов поганых*). ...от Дуная, Кубани, Урала и до Амура... означает **русского**... Вообще, **Иван** – простак и добряк. **Иван Иванович**, почетное или шуточное имя и отчество немцев, а еще более калмыков, кои всегда отзываются на кличку эту... [Даль 1989, т. 2: 7].

4. Языковая игра как вектор *речетворчества*, представленный в составе словарных статей, проявляет разные аспекты народного юмора и шутивно-оценочных коннотаций.

Асей, **асейка** м. арх. Иноземец, особ. англичанин (от англ. I say, я говорю) [Даль 1989, т. 1: 3].

Авось нар. (а-во-се, а вот, сейчас; см. во) ...может быть станется, сбудется, с выражением желанья и надежды. Авось Бог поможет. Авось – вся надежда наша. **Авось, небось да третий как-нибудь. Авось – хоть брось. Наше авось не с дуба сорвалось, рассудительное.** На авось мужик и хлеб ест. Авось и рыбака толкает под бока. Ждем, пождем, авось и мы свое найдем. **Авось не унывает, здесь авось обращено в сущ.** От авось добра не жди. Авось плут, обманет. Авось до добра не доведет. **Авосью не вовсе верь. Авосью верь не вовсе...** Держись за авось, поколь не сорвалось. Авоська м. будущий желанный случай, счастье, удача; отвага; || кто делает все на-авось. Ему авоська дал или обещал... **Авоська уйдет, а небоську одного покинет... Авоська небоське набитый брат. Держался авоська за небоську, да оба упали. Авосевы города не горожены, авоськины детки не рожены... Поавоськаем; авось**

до чего-нибудь доавоськаемся. || Авоськать, воськать, обычно приговаривать почасту авось [Даль 1989, т. 1: 3–4].

Авторствовать, говорится **укорительно или насмешливо**; заниматься сочинением книг [Даль 1989, т. 1: 4 – в статье **автор**].

5. Особую группу экспресsem и оценочно коннотированных слов, отмеченных Далем, представляют собой фоносеманты, связанные с характеристикой речи, и диминутивы (в том числе и от фоносемантов).

Веньгать, вяньгать – хныкать, плакать, плаксиво жалобиться или просить его; канючить. *О деньгах не веньгай.* || Говорить немо, т. е. картаво, вяло, медленно, с расстановкой, невнятно; || говорить жалобно, нараспев, мямлить... **Веньганье, хныканье...** || **Веньгала, веньга** нвг. **веньгуша**, об. *вят. веньгун, -нья* – плаксивый, писклявый человек; || клянча; || мямля. Ср. междометные номинации сферы общения с ребенком: **Агу** – род приветия младенцу, вызов на улыбку, **агуношки, агушеньки** и пр., **агунить** – тешить ребенка *агу* [Даль 1989, т. 1: 5].

6. Организация словарной статьи в виде словообразовательного гнезда, осуществляемая Далем в опоре на функционирование дериватов в народной речи, представляет собой одновременно потенциальную модель разветвления формально-смысловых связей однокоренных слов, проявляя возможности их актуализации в конкретных актах речи. К регулярно воспроизводимым (и соответственно актуальным для говорящих) словообразовательным прецедентам относятся:

- собирательные и абстрактные существительные (от глагола или прилагательного);
- гендерно маркированные словообразовательные пары;
- разновидности глаголы, выражающие характер протекания действия (однократного, многократного, длительного);
- коррелятивные оппозиции возвратных и невозвратных глаголов;
- качественные прилагательные и наречия;
- отдельные наиболее актуальные, частотные функционально специализированные словоформы разных частей речи и др.

См., например:

БАЛОВАТЬ (у Даля – с двойным ударением на первом или последнем слоге) – **баловывать**,

-ся. Не балуйся, что балуешься, или **не балуй**, не шали. (императив как актуальная СФ глагола).

Глагольные дериваты

В речевых контекстах: **Выбаловать** что у кого, вылестить. **Добалуешь(-ся)** ты до чего-н. Опять забаловал. **Набаловать**, нашалить, балуя; избаловать: **набалуешь** овцу, не хуже козы. **Отбаловал бы его**, высек бы. **Побалую его**, потешу. **Народ весь перебаловался. Пробаловали (-сь) всю ночь на посиделках. Разбалуются молодежь, не уймешь. Сбаловали собаку со двора, сманили.**

Абстрактные существительные

Балованье, баловка – действ. гл.: кто сам балует или другим потворствует; **баловство** – то же на деле: шалости, проказы, потворство, потачка, поноровка: **Баловством (дуря) хлеба не добудешь. Кутаться без нужды – баловство; баловня ж.**, забавы шалости замест дела. **Чем работать, а они баловней занялись.**

Гендерно маркированные номинации лица по действию

Баловник, м. -ница ж. / баловщик, м. -щица ж. (различия в значениях «кто балуется сам» и «кто потакает баловству, кто балует других; для пары баловщик – баловщица – только второе значение);

баловень м., баловушка об. – говорят иногда шутя, лаская: ты моя боловушка;

балун, балук м. балунья ж., балуша об. избалованный шалун.

Прилагательные в типовых контекстах

Баловливая мать, частенько балующая своих детей; **баловливый парнишка**, склонный к шалостям, **избалованный**, проказливый [Даль 1989, т. 1: 43–44].

Литература

Бутакова, Л. О. Психолингвистические исследования речевой деятельности представителей поколения Z: между мифами и реальностью / Л. О. Бутакова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2021. – № 19. – С. 14–35. – DOI: 10.26170/2411-5827_2021_19_02.

Голев, Н. Д. О словарях народных этимологий и мотивационных ассоциаций как отражении онтологических свойств лексических единиц русского языка / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2015. – № 2. – С. 38–64.

Гридина, Т. А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре / Т. А. Гридина. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – 272 с.

Гридина, Т. А. Проблемы изучения народной этимологии : пособие к спецкурсу / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1989. – 72 с.

Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги : учебное пособие / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2020. – 358 с.

Гридина, Т. А. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119–131. – DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989.

Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Русский язык, 1993. – URL: <https://studopedia.info/3-27529.html>. – Текст : электронный.

Сам способ гнездовой организации словарной статьи, предложенный В. И. Далем, представляет мотивационно-словообразовательные связи однокоренных лексем как некую модель реализации грамматического и семантического потенциала языковых преобразований в живой народной речи.

Регулярность отмеченных соответствий в речевой практике может свидетельствовать о характере организации фрагментов ассоциативно-вербальной сети, представленных на уровне ментального лексикона в предречевой готовности. Одним из таких фрагментов является деривационный потенциал слова, задающий прогноз появления соответствующего номинативного континуума в коммуникативном регистре.

Выводы

Словарь В. И. Даля – своеобразный прообраз современных ассоциативных словарей, в которых отражаются актуальные для носителей языка аспекты восприятия формы и значений стимульных лексем.

Формально-смысловые корреляции и нюансировка значений дериватов одного словообразовательного гнезда маркируют разные потенциальные «маршруты» активации таких связей в ассоциативно-вербальной сети.

Экспликация таких «маршрутов» на основе направленных экспериментов – одна из перспектив современной ассоциативной лексикографии. В частности, назрела необходимость создания ассоциативных словарей однокоренных слов.

Подобные словари должны способствовать созданию операциональных технологий обучения русскому языку, учитывающих потенциал слова в его предречевой готовности.

Коротун, О. В. Ассоциативный словарь внешнего человека / О. В. Каратун. – Омск : ОмГУ ; Вариант-Омск, 2010. – 376 с.

Лемяскина, Н. А. Коммуникативное поведение младшего школьника / Н. А. Лемяскина, И. А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 194 с.

Леонтьев, А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А. А. Леонтьев. – М., 1977. – 192 с.

Овчинникова, И. Г. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции) / И. Г. Овчинникова, Н. И. Береснева, Л. А. Дубровская, Е. Б. Пенягина. – Пермь, 2000. – 312 с.

Палкин, А. Д. Возрастная психоллингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей / А. Д. Палкин. – М. : НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.

Русский ассоциативный словарь : в 2-х т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002.

Сдобнова, А. П. Лексикон школьника как динамическая система / А. П. Сдобнова. – Саратов : Изд-во Сар. ун-та, 2015. – 248 с.

Тарасов, Е. Ф. Учебный ассоциативный словарь русского языка / Е. Ф. Тарасов, В. В. Дронов, Е. С. Ощепкова. – СПб. : Златоуст, 2011. – 356 с.

References

Butakova, L. O. (2021). Psicholingvističeskie issledovaniya rečevoi deyatelnosti predstavitelei pokoleniya Z: mezhdu mifami i real'nost'yu [Psycholinguistic Studies of the Speech Activity of Representatives of Generation Z: between Myths and Reality]. In *Psicholingvističeskie aspekty izučeniya rečevoi deyatelnosti*. No. 19, pp. 14-35. DOI: 10.26170/2411-5827_2021_19_02.

Dahl, V. I. (1989). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, Russkii yazyk.

Golev, N. D. (2015). O slovaryakh narodnykh etimologii i motivacionnykh assotsiatsii kak otrazhenii ontologičeskikh svoistv leksičeskikh edinit russkogo yazyka [On Dictionaries of Folk Etymologies and Motivational Associations as a Reflection of the Ontological Properties of Lexical Units of the Russian Language]. In *Voprosy leksikografii*. No. 2, pp. 38–64.

Gridina, T. A. (1989). *Problemy izučeniya narodnoi etimologii* [Problems of Studying Folk Etymology]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogičeskii universitet. 72 p.

Gridina, T. A. (2018). *Verbal'naya kreativnost' rebenka: ot istokov slovotvorčestva k yazykovoï igre* [Verbal Creativity of a Child: from the Origins of Word Creation to Language Play]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogičeskii universitet. 272 p.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2017). Parametry leksikografičeskoï interpretatsii dialektnoi frazeologii: lingvokulturologičeskii aspekt [Parameters of Lexicographic Interpretation of Dialect Phraseology: Linguoculturological Aspect]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 119-131. DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2020). *Metody psicholingvističeskikh issledovaniï: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of Psycholinguistic Research: Theory, Workshop, Trainings]. Ekaterinburg. 358 p.

Karaulov, Yu. N. (1993). *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. 330 p. URL: studopedia.info/3-27529.html.

Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (2002). *Russkii assotsiativnyi slovar': v 2-h t. T. 1. Ot stimula k reaktsii: Ok. 7000 stimulo. T. 2. Ot reaktsii k stimulu* [Russian Associative Dictionary, in 2 vols. Vol. 1. From the Stimulus to the Reaction: 7000 Incentives. Vol. 2. From the Reaction to the Stimulus]. Moscow.

Korotun, O. V. (2010). *Assotsiativnyi slovar' vneshnego cheloveka* [Associative Dictionary of the External Man]. Omsk, OmGU, Variant-Omsk. 376 p.

Lemyaskina, N. A., Sternin, I. A. (2000). *Kommunikativnoe povedenie mladshogo shkol'nika* [Communicative Behavior of a Younger Student]. Voronezh. 194 p.

Leont'ev, A. A. (1977). *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. Moscow. 192 p.

Ovchinnikova, I. G., Beresneva, N. I., Dubrovskaya, L. A., Penyagina, E. B. (2000). *Leksikon mladshogo shkol'nika (kharakteristika leksičeskogo komponenta yazykovoï kompetentsii)* [Lexicon of a Junior Pupils (Characteristics of the Lexical Component of Language Competence)]. Perm. 312 p.

Palkin, A. D. (2004). *Vozrastnaya psicholingvistik: Tolkovyj slovar' russkogo yazyka glazami detei* [Age-Related Psycholinguistics: Explanatory Dictionary of the Russian Language through the Eyes of Children]. Moscow, NOU MELI. 360 p.

Sdobnova, A. P. (2015). *Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaya sistema* [Schoolchildren Lexicon as a Dynamic System]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 248 p.

Tarasov, E. F., Dronov, V. V., Oshchepkova, E. S. (2011). *Uchebnyi assotsiativnyi slovar' russkogo yazyka* [Educational Associative Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Zlatoust. 356 p.

Данные об авторе

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Дата поступления: 15.11.2021; дата публикации: 25.12.2021

Authors' information

Gridina Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 15.11.2021; date of publication: 25.12.2021